

Чаба Варга¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ (Дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации)

Все люди с широкими взглядами и собственными убеждениями инстинктивно чураются тех, кто думает максимами; дело в том, что они очень быстро понимают, что всю сложность нашей жизни нельзя объяснить максимами и что если во всем руководствоваться определенными формами, то придется отказаться от божественных откровений и вдохновения, которое посещает тех, кто глубоко мыслит и сочувствует другим. Те же, кто следует максимам, обычно основывают свои моральные суждения на наборе общих правил. Они полагают, что эти правила приведут их к справедливости единственным верным путем. Они надеются, что им не придется выказывать терпение, пронзительность и объективность. Они не задумываются о том, придется ли им производить сложные расчеты с чувством соблазна, извлекать уроки из жизни и создавать в других чувство сопричастности со всем остальным человечеством.

Дж. Элиот

Представителям разных народов, религий и культур не нужно приспособливаться друг к другу и подстраиваться друг под друга. <...> я думаю, что мы принесем друг другу гораздо больше пользы, если не будем притворяться, останемся теми, кто мы есть на самом деле, и будем просто уважать и признавать друг друга такими, какие мы есть.

В. Гавел

Прошла уже четверть века с того времени, как западные взгляды были механически и без лишних рассуждений перенесены на всю Центральную и Восточную Европу. Любое начинание с тех пор сталкивается с чужими бездуховными доктринами. Законы создаются на короткий срок и признаются новаторскими, и в результате все страны региона погружены в поразительные

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петьера Пазмания (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Япония, Россия и др.). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч.: «Кодификация как социально-историческое явление», «Загадка права и правового мышления» и др. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994).

женческие настроения². Потому что, в каком бы состоянии ни было государство, даже со странной, устаревшей и грубой структурой, единственной интегративной силой любого общества, способной придать достоинство его гражданам, является традиция — собрание живого опыта поколений, историческое развитие культуры каждого сообщества, нации.

Начну с того, что замечу: было унижительно понять, насколько англо-американское юридическое наследие стремится стать первым и наиглавнейшим учителем Европы, проповедуя свою интерпретацию заезженно-

² См., например, о судьбе Советского Союза: *Varga Cs. Failed Crusade: American Self-confidence, Russian Catastrophe // Transition? To Rule of Law? Constitutionalism and Transitional Justice Challenged in Central & Eastern Europe. Pomáz : Kráter, 2008. P. 199–219. (Polisz Series, Books 7) ; <http://mek.oszk.hu/14800/14851>*

го и чрезмерно выпяченного понятия «правовое государство». Удивительно также, что в Англии прошлых веков тот идеал, который теперь хотят привить всему миру в качестве универсальной модели, был создан для сохранения автономности (или независимости от власти короля) судебной власти. И как бы парадоксально это ни звучало, основной чертой общего права было отсутствие четких и понятных правил. Число прецедентов постоянно росло, и в связи с этим законы королевства по факту подтверждали законность этих прецедентов в рамках принципов обратной силы. Этот факт не оспаривается ни классической, ни современной юриспруденцией. Что же касается Соединенных Штатов Америки, то их понимание законности основано на политическом и иерархическом превосходстве судебной власти, превосходстве такой силы, что оно разрушило все представления о демократии отцов-основателей страны.

Мотивы такого поведения заключаются в тактическом стремлении к победе, свойственном американской политике. Стараясь избежать проигрыша, демократическая (представительная) государственная машина законодателей/правительства стремится оправдать ожидания избирателей и упрямо принимает те законы, которые одобряет население, передавая их затем всем инстанциям судебной власти. По этой причине все дискусионные законы, по которым действительно необходимо услышать мнение *народа*, не выносятся на суд народных представителей в поисках консенсуса, а решаются на закрытых заседаниях *органов судебной власти* в однородной и формализованной форме, не соответствующей народным ценностям¹. На любой законодательный акт накладывается конституционное ограничение: законы, принятые суверенными представителями народа, зависят от утверждения профессиональными юристами, которые народ не представляют. Их никто не контролирует, и они действуют в однородной и формализованной манере. Именно поэтому недавно скончавшийся Рональд Дворкин предлагал проводить юридическую экспертизу законов, в которую рекомендовал включать и партийные программы, еще до того, как они будут представлены общественности. Кроме того, американское законодательство, основанное на правилах, все более деформируется, чтобы служить юристократическим интересам: законы составляются таким образом, чтобы судья впоследствии мог выбрать из нескольких вариантов решения, если прежнее решение будет оспорено².

В качестве реакции на это явление возникло направление в научной литературе, описывающее раз-

рушительное воздействие этой новой «политической религии»³. Среди прочего осуждению подвергается и интеллектуальный климат, в котором беспринципные профессора юриспруденции борются друг с другом за наиболее экстремальный, ничем не ограниченный вариант закона. Достается и жажущим наживы адвокатам, которые умело ищут лазейки в законе и создают тем самым собственную «законность». Что уж тут говорить о сохранении идеалов, заложенных отцами-основателями?

Что же возникло в результате и кто такую систему создал? О потере общественного доверия и крахе общественной интеграции за последние 50 лет свидетельствует тот факт, что за эти годы количество разводов возросло в 4 раза, количество детей, рожденных вне брака, — в 12 раз, количество насильственных преступлений — в 10 раз. И все это во времена, когда вмешательство регулирующих органов и состязательность судебного процесса уже привели к вытравлению чувства защищенности граждан системой законодательных актов. Вместо того чтобы стать решением проблемы, закон сам стал частью проблемы, серьезным патогенным фактором, оказывающим разрушительное влияние на Америку. Соответственно в момент, когда судебная система триумфально отодвигает представительную демократию на задний план и идеология масс (которую поддерживает лишь небольшая группа партийных деятелей) отчуждается от представления об основных потребностях человека, возглас «Даешь правительство реальных, а не теоретических людей!» звучит как призыв к ревиндикации.

Или возьмем горделивое и заносчивое понятие «американская исключительность» (которое через зеркальное отражение Америки представляет универсальный идеал человеческого существования). Оно доказывает шовинистическое бессилие Америки, которую характеризуют чрезмерно дорогая машина юриспруденции, изящно легализованная система подтасовок и влиятельная каста юристов, кормящихся на коррупции⁴. Эти взгляды все чаще пропагандируются быстро растущим количеством «недальновидных, самолюбленных» групп в элитных университетах⁵, сплоченных чувством социальной солидарности. Или, как указывалось ранее, «юридическое основание пути к крепостному праву было изобретено профессорами юриспруденции», в ходе чего «судебные тяжбы по вопросам социальной политики истощили демократию и привели к поляризации общества и фискальному кризису»⁶.

В общем и целом, благодаря армии юристов и толпам законов, принятых по разным поводам для регулирования всех процессов, гипертрофически выросли медицинские расходы, а судебные издержки увели-

¹ См.: *Varga Cs. Transfers of Law: A Conceptual Analysis // Comparative Legal Cultures on Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. P. 181–207 (Philosophiae Iuris) ; http://drcsabavarga.wordpress.com/2012/03/12/varga-comparative-legal-cultures-2012 ; Franck Th. M. The New Development: Can American Law and Legal Institutions Help Developing Countries? // Wisconsin Law Review. 1972. Vol. 12, № 3. P. 767–801 ; Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 2004.*

² *Helland E., Kick J. Regulation and Litigation: Complements or Substitutes? // The American Illness Essays on the Rule of Law / ed. F. H. Buckley. New Haven ; L. : Yale University Press, 2013. P. 118–136.*

³ *Hirschl R. Constitutional Theocracy. Cambridge : Harvard University Press, 2011.*

⁴ *Buckley F. H. The Rule of Law in America // The American Illness Essays on the Rule of Law / ed. F. H. Buckley. New Haven ; L. : Yale University Press, 2013. P. 3–39.*

⁵ *Howard Ph. K. The Collapse of the Common Good: How America's Lawsuit Culture Undermines our Freedom. N. Y. : Ballantine Books, 2002.*

⁶ *Barnett R. E., Howard Ph. K. Schools for Misrule: Legal Academia and an Overlawyered America. N. Y. : Encounter Books, 2011.*

чилились в 4–9 раз по сравнению с другими странами. В результате возникла «страна с чрезмерно большим количеством юристов и большим набором правил, с множественными точками доступа для бюрократов и многочисленными возможностями вмешательства специальных интересов в бизнес-решения»¹. Неслучайно за несколько месяцев до своего убийства Роберт Кеннеди снова повторил основополагающее представление об идеале законности, когда заявил, что «валовый национальный продукт... который... измеряет, проще говоря, все, кроме того, что делает жизнь достойной того, чтобы жить. И это объясняет нам об Америке все, кроме того, почему мы горды быть американцами»².

Кажется, что все эти новые явления должны были ожидаемо столкнуться с реальностью Европейского Союза. Ведь недавно прозвучало мнение, что «Европейский Союз не основан на законности как на институциональном идеале. ЕС рассматривает “законность” во многом в преломлении к автономности юридической системы ЕС, стремясь сделать свое законодательство защищенным от любых внутренних и внешних влияний. Такое развитие событий диаметрально противоположно классическому представлению о законности».

Так в чем же состоит результат, что нас ждет в конце концов? В данный момент на мировой арене как национальные, так и международные агентства постоянно, а порой избыточно и злонамеренно пользуются популярными словечками вроде «законность», «демократия» и «права человека», как будто эти непонятные выражения дают представление о лице юриспруденции. Почти как политические лозунги, эти термины наполнены четко определенным и действенным содержанием. При этом агентства прекрасно понимают, что и значение этих терминов, и практика их использования непонятны и открыты к интерпретации. Другими словами, все эти выступления проводятся для реализации плохо скрывающейся политической повестки дня, в которой царят манипуляции и исключительность абсолютизма. Именно поэтому любые утверждения с использованием этих терминов излишне генерализованы, вырваны из исторического контекста и лишены оригинального значения. То, что получается в результате, теряет свою концептуальность, становится просто «идолом для справок», «термином без смысла, благодаря чрезмерно частому использованию и идеологическому передегериванию»³.

Четверть века тому назад те, кто сейчас заседает в правительстве, были моими студентами на юридическом факультете Будапештского университета. Они организовали международную конференцию для обсуж-

¹ *Reinsch R.* America Rule of Law's Sickness. URL: <http://www.libertylawsite.org/2013/07/24/americas-rule-of-law-sickness/>. Историю вопроса см.: *Varga Cs.* Law, Ethics, Economy: Independent Paths or Shared Ways? // *Theory of Law*. 2012. Note 10. P. 202–215.

² University of Kansas. 1968. Mar. 18. URL: <https://www.flickr.com/photos/vm1757/280433501>

³ *Shklar J.* Political Theory and the Rule of Law // *The Rule of Law: Ideal or Ideology* / ed. A. C. Hutchinson, P. Monahan. Toronto: Carswell, 1987. P. 1; *Varga Zs. A.* Esményből bálvány? A joguralom dogmatikája // *Idol, out of an ideal? The dogmatism of the rule of law*. Budapest: Századvég, 2015.

дения понятия «правовое государство». Джон Финнис из Оксфордского университета задал тон своим оптимистичным, удивительным и совершенно адекватным выступлением. Он сказал: «Этой теме посвящено огромное количество книг, и каждая из них обращена к вам, тем, кто перестраивает вашу страну после периода коммунизма. Но, пожалуйста, не читайте их. Они будут для вас бессмысленны. Есть только одноединственное предложение, которое адресовано именно вам. Это предложение из моей собственной книги. Вот оно: “Законность и правовое государство не являются и не могут быть договором коллективного самоубийства”».

Что же он имел в виду под этим метафорическим предложением? Он объяснил далее, что «законность» и «правовое государство» — это культура государственной власти. В разных странах этот процесс проходил по-разному, в соответствии с задачами определенного времени. И вопросы, которые стоят перед нами здесь и сейчас, имеют иные акценты и должны рассматриваться в ином культурном контексте, определенного ответа на них нет. И какие бы ответы на эти вопросы ни появились в результате, они будут являться реакцией на определенную потребность и не будут ориентированы на абстрактные «вечные» понятия. Иными словами, «законность» и «правовое государство» — это цивилизационная идея, которую может использовать государственная власть для восстановления мира и покоя. Это инструмент достижения цели, а не причина, по которой от этой цели можно отказаться. В общем и целом эти понятия — функция конкретного государства, культуры, которую оно воспитывает, и практики применения.

Иными словами, «законность» не может стать феетицизированной идолом. Более того, эти термины нельзя даже рассматривать как искусственную дихотомию, противопоставление в стиле «все или ничего»⁴. На практике должен использоваться этически сбалансированный континуум этих понятий⁵. В конце концов идея законности не имеет рабочего определения и не является признанной концепцией в юриспруденции⁶. Надо отметить, что она принадлежит к тому роду

⁴ См., например: *Sampford Ch.* Retrospectivity and the Rule of Law. Oxford: Oxford University Press, 2006, где описывается, что ретроактивность в определенном смысле характерна практически для всех хорошо организованных обществ, вне зависимости от того, воспринимается обществом этот факт или нет.

⁵ *Hayek F. A.* The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1944. P. 22. Автор, в частности, подчеркивает, что «ретроактивное законодательство может быть полезно, если исправляет ошибки предыдущего законодательства или позволяет определенным лицам преодолеть трудности, не нарушая при этом прав других». См. также: *Marmor A.* The Rule of Law and its Limits // *Law and Philosophy*. 2004. № 23. P. 20. Относительно попыток примириться с прошлым после диктаторского режима автор добавляет, что «если юридическая система подвержена коррупции, граждане не могут предполагать, что все то, что в определенное время является законным, они имеют право делать».

⁶ «Твердые приверженцы этого подхода постоянно спорят о том, что такое “законность” и “правовое государство”, — говорит Рональд Дворкин в своем докладе «Законность и правовое государство как практические концепции» на конференции Венецианской комиссии 2012 г. См.: <http://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL%282013%29016-e>. См. также классический обзор литературы в: *Fallon R. H., jr.* The Rule of Law as a Concept in Constitutional Discourse // *Columbia Law Review*—97. 1997. Jan. № 1. P. 1–56.

концепций, которые с самого начала вызвали противоречия и споры. Обычно такое происходит с концепциями, которые не приводят к решению ни при сужении (догматизм уступок), ни при расширении (открытый эклектицизм). Их содержание основано на ценностях; этим понятиям могут быть даны многие определения; они постоянно вызывают споры, противоречия, полемику и дебаты. Четкого и ясного определения этих терминов нет. Приходится выбирать из множества разных точек зрения, каждая из которых имеет свое объяснение и право на существование¹. Когда мы говорим о законности, речь идет не об устоявшейся системе, а о живой культуре, которая выстраивается шаг за шагом в ходе последовательности действий в определенном контексте. Законность развивается в ходе постоянной постановки вопросов и поиска ответов на них и основывается на историческом опыте каждого народа здесь и сейчас. Принимая во внимание тот факт, что эти понятия тесно связаны и плотно включены на любой стадии в определенные культурные паттерны, их можно представить, грубо говоря, только в виде некоего синтетического среднего, выстроенного по требованиям иерархии, которое вдобавок и меняется практически ежедневно.

Естественно, следует признать, что как культурное явление оно может распространиться и на народы, у которых возникла определенная потребность к взаимному обмену знаниями. Таким образом, с одной стороны, может начать происходить определенная ассимиляция (с учетом типологии, характерной для конкретного исторического периода), а с другой — начаться общее развитие (в результате чего формируется, в частности, общее право). Однако универсального механизма не существует; эти понятия остаются частью живой культуры народов, решающих разные задачи в соответствии со своей исторической традицией, независимо от того, что думают по этому поводу ведущие государства, которые в урагане смены империализма и глобализма пытаются навязать другим свои порядки как некое универсальное решение. Итак, каковы же последствия? То, что ранее представлялось как цивилизационный миф «белого человека», испано-английская и франко-голландская колонизация, «европейское превосходство» и «немецкое культурное превосходство», теперь превратилось в «американскую исключительность»². Свою власть в однополярном мире США рассматривают с позиции этноцентризма, и любые даже небольшие притязания других государств на определенные национальные интересы они объявляют «страшным» национализмом.

По своей природе понятие законности не может быть превращено в догму. Оно не включает определенных рецептов того, как следует действовать в определенных ситуациях и принимать индивидуальные решения. Это понятие относится к системе сдержек и противовесов, где существуют равные возможности, цен-

ности и интересы, которые соревнуются между собой, и оптимальный вариант практической реализации этого понятия представляет собой среднее, компромиссное решение.

В конце концов, в самом страстном своем представлении идея законности, демократии, прав человека и тому подобного, как напоминает нам папа римский родом из Польши³, является лишь инструментальной ценностью и ничем иным. Закон — это категория социальной медиации, как язык; сами по себе они нейтральны. Они регулируют то, что возникло из других общественных комплексов⁴. Среди прочего они регулируют и фундаментальные ценности, и основная ценность инструментальных ценностей законности, демократии, прав человека и тому подобного зависит от того, каковы ценности, которые они регулируют⁵.

Я полагаю, что председатель Верховного суда Венгрии отлично суммировал вышесказанное, когда заявил, что «ценности, лежащие в основе правопорядка и общественной организации, такие как достоинство, свобода и личный и общественный мир и покой, необходимо утверждать и воплощать в самом понятии законности. Однако воплощение этих ценностей с самого начала может оказаться неэффективным, если остальным компонентам понятия законности — например, юридической безопасности — будет отдаваться абсолютный приоритет. Ведь юридическая безопасность и законность, с одной стороны, воплощают сами ценности. Но, с другой стороны, ценности могут вступать в противоречия, и их необходимо балансировать. Если инструментальная ценность, защищающая последовательность закона, вступает в противоречие с фундаментальной ценностью, последняя будет иметь приоритет»⁶.

С этой точки зрения настоящую долгосрочную опасность представляют не только гиперактивность, доктринерство и излишний формализм конституционных судов некоторых стран региона. Хотя их совершенно нелегальные действия могли поставить под сомнение ценность самого понятия законности и помешать (если не полностью заблокировать) возможности для настоящего перехода к демократии⁷, сегодня значительную угрозу представляет тот факт, что Европейский Союз занимается манипуляциями и необоснованной критикой внутреннего законодательства, по сути

³ См.: *Varga Cs. Buts et moyens en droit // Giovanni Paolo II. Le vie della giustizia: Itinerari per il terzo millennio (Omaggio dei giuristi a Sua Santità nel XXV anno di pontificato) a cura di Aldo Loiodice & Massimo Vari. Roma : Bardi Editore & Libreria Editrice Vaticana, 2003. P. 71–75.*

⁴ См.: *Varga Cs. The Place of Law in Lukács' World Concept (1981/1985). 3rd [reprint] ed. with Postface. Budapest : Szent István Társulat, 2012 ; <http://mek.oszk.hu/14200/14249/>*

⁵ *Varga Cs. Goals and Means in Law // Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa LI. 2010. Vol. 1–2. P. 263–274 ; <http://www.thomasinternational.org/projects/step/conferences/20050712budapest/varga1.htm>*

⁶ *Darák P. Társadalmi problémák — jogi megoldások [Social problems — legal solutions] // (L)ex cathedra et praxis. Ünnepi kötet Lábady Tamás 70. születésnapja alkalmából, szerk. Csehi Zoltán, Koltay András, Landi Balázs & Pogácsás Anett. Budapest : Pázmány Press, 2014. P. 591.*

⁷ См.: *Varga Cs. Transition to Rule of Law. On the Democratic Transformation in Hungary. Budapest : ELTE "Comparative Legal Cultures" Project, 1995. (Philosophiae Iuris) ; <http://mek.oszk.hu/14700/14760/>*

¹ *Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1955–1956. Vol. 56. P. 167–198 ; см. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Essentially_contested_concept*

² См.: http://en.wikipedia.org/wiki/American_exceptionalism ; <http://nationalinterest.org/about-the-national-interest>

квазизаконной интервенцией в дела стран-членов. Возможно, таким образом постмодернистский империализм переходит в атаку, преисполненный праведного стремления стать новым идеократом, воплостителем истины в последней инстанции.

Идеократии сегодня выступают в качестве юстиократий, занимающихся размягчением — в прошлом или настоящем — законодательных норм. Таким образом можно нейтрализовать и минимизировать основу демократии — представительную власть, суверенность парламента¹. В случае, когда практика законодательства освобождается самой судебной системой от обязательного соответствия закрепленным нормам, сужение или расширение регулирующих функций законодательства становится произвольным, что чревато, среди прочего, саботажем судебных постановлений или бунтом. Хорошо известен тот факт, что система сдержек и противовесов институтов и идеологий постоянно сталкивается с новыми требованиями, возникающими под давлением различных групп влияния. Это необходимо, потому что различные виды неорганических, случайных и предопределенных сценариев развития признаны для реализации нового единообразия, которое уродует оригинальную идею. Единственная интерпретация в таком случае обычно чужда самой сути вопроса и искажает весь процесс².

Например, подход, основанный исключительно на правах человека, как на этом настаивает нынешняя западная мысль, может отрицательно сказаться на любом другом аспекте вопроса и упрощает юридическое решение до одной-единственной точки зрения, которая может оказаться безотсудительна к обсуждаемому вопросу³. Точно таким же образом введение судебного контроля над действиями правительства обязательно приводит к игнорированию истинной сути вопроса. Потому что в данном случае общественное приятие, экономическая выгода, политическая рациональность, даже само национальное выживание сталкиваются с простым понятием юридической правомерности, которая с общественной точки зрения может оказаться совершенно неуместной в контексте момента⁴. Редукционизм равен упрощению, единообразию и, в конце концов, фальсификации. Он выглядит как очковительство, когда четырехзвездный генерал из Пентагона услышал от верховного главнокомандующего сле-

дующее оправдание: «Мы не знаем, что делать <...> но у нас отличная армия и мы можем снять любое правительство. Если из всех инструментов у тебя есть только молоток, каждая проблема кажется похожей на гвоздь»⁵.

Чем более характерно для нашей эпохи стремление учиться у всех, как у прошлого, так и у настоящего, и признавать, что постоянное обучение приводит к наднациональному смягчению законов в соответствии с максимой «Весь мир — зал суда»⁶, тем более неправильным представляется стремление международными агентствами использовать политические слоганы как юридические термины, потому что в таком случае ежедневная рутина этих больших и сильных организаций может быть навязана всем остальным в качестве универсальной панацеи. Любые навязанные условия приводят к ухудшению положения субъекта, лишая его определенной доли, которая в ином случае принадлежала бы ему. Именно поэтому благорасположенность субъекта может легко превратиться в полную противоположность. Любой внешний диктат осуществляется в духе циркового тренера, а те, кто стремится помочь, похожи на садовника, который желает только одного — чтобы все его растения чувствовали себя хорошо.

Законы определяются потребностями человека и служат его интересам. Законы должны быть устойчивы к фетишизации и овеществлению, потому что это приводит к отчуждению от них общества. Законы отражают изменение исторического опыта человека, его воплощение в упорядоченный план. Но «жизнь нестандартна», несмотря на то что «в современную нам эру доминирует представление, что мир <...> — это полностью познаваемая система, действующая в соответствии с конечным числом универсальных законов, которые человек может понять и рационально направить их на <...> объективное описание, объяснение и контроль всего и вся». Именно поэтому чем более нетерпеливо мы пытаемся систематизировать мир в соответствии с рациональными категориями, тем с более удивительными случаями нерационального мы сталкиваемся».

Соответственно соизмеримость режимов законов определенным образом ограничена. Для того чтобы оценить это, необходимо не только знание, но также опыт и мудрость.

¹ *Hirschl R.* Towards Juristocracy [note 7]; см. также: *The Global Expansion of Judicial Power* / ed. C. N. Tate, T. Vallinder. N. Y. : New York University Press, 1995 ; *Olson W. K.* The Rule of Lawyers. How the New Litigation Elit Threatens America's Rule of Law. N. Y. : St. Martin's Press, 2003 ; *Goldstein L. F.* From Democracy to Juristocracy? // *Law & Society Review*. 2004. Vol. 38, № 3. P. 611–629 ; *Sweet A. S.* Governing with Judges. Constitutional Politics in Europe. Oxford : Oxford University Press, 2010 ; *Rüthers B.* Die heimliche Revolution vom Rechtsstaat zum Richterstaat. Verfassung und Methoden: Ein Essay. Tübingen : Mohr Siebeck, 2014.

² *Howard Ph. K.* The Collapse of the Common Good. How America's Lawsuit Culture Undermines our Freedom. N. Y. : Ballantine Books, 2002.

³ *Varga Cs.* Az emberi jogok problematikája [Problematics of human rights] // *Társadalomkutatás*. 2013. Vol. 32, № 2. P. 1–15.

⁴ *Harlow C.* European Governance and Accountability // *Public Law in a Multi-layered Constitution* / ed. N. Bamforth, P. Leyland. Oxford : Hart Publishing, 2003. P. 79–102.

⁵ http://www.democracynow.org/2007/3/2/gen_wesley_clark_weighs_presidential_bid ; <http://genius.com/General-wesley-clark-seven-countries-in-five-years-annotated>

⁶ *Abrahamson Sh. S., Fischer M. J.* All the World's a Courtroom: Judging in the New Millennium // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 26, № 2. P. 273–291.